

узоров и прочих затей, но все было пригнано плотно и как следует. Даже колодец был обделан в такой крепкий дуб, какой идет только на мельницы да на корабли. Словом, все, на что ни глядел он, было упористо, без пошатки, в каком-то крепком и неуклюжем порядке».

Заслуживает внимания **политическая** функция транспорта, благодаря которой осуществляется объединение губерний в единое государство. Так, Чичиков хочет воспользоваться государственной льготой и планирует «переселить» свои «мертвые души» в Херсонскую губернию: *«Да ведь я куплю на вывод, на вывод; теперь земли в Таврической и Херсонской губерниях отдаются даром, только заселяй. Туда я их всех и переселю! В Херсонскую их!»*.

Таким образом, вышеназванные функции транспорта, рассмотренные на примере поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души» и вписанные в сюжетную схему произведения, отражают многогранную роль транспорта, обеспечивающего связи между населенными пунктами и городами, а впоследствии и отраслями экономики страны. Транспорт является важным инструментом достижения социальных, культурных, экономических целей как отдельного человека, так и политических – в масштабах страны. По мнению профессора В. Н. Бугроменко, транспорт является центральным звеном, без которого не могут взаимодействовать и функционировать на любой территории население, объекты производства и природы, а «роль внетранспортных взаимодействий ничтожна и ею можно пренебречь» [2].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Гоголь, Н. В. Мертвые души / Н. В. Гоголь. – СПб. : Азбука, 2017. – 352 с.
- 2 Бугроменко, В. Н. Современная география транспорта и транспортная доступность / В. Н. Бугроменко // Известия РАН. Сер. Географическая. – 2010. – № 4. – С. 7–16.

УДК 51-7:656.2

Т. А. ВЛАСЮК, Я. В. ЖИТНИКОВА, М. Н. ЗГУРСКАЯ, А. И. ШАЛАБОДОВА
Белорусский государственный университет транспорта, г. Гомель

ОСОБЕННОСТИ ЛИТЕРАТУРНОГО ТРАВЕЛОГА НА ПРИМЕРЕ ПОЭМЫ Н. В. ГОГОЛЯ «МЕРТВЫЕ ДУШИ»

Поэма Н. В. Гоголя «Мертвые души» – это не только глубоко социальное произведение, отражающее нравы и экономический уклад России начала XIX века, но и одновременно пример литературного травелога («путевой» литературы), благодаря которому читатель, вместе с главным героем поэмы Чичиковым, совершает удивительное путешествие по российским просторам. Он наблюдает из окна брички за жителями города и окрестностей, которые заняты своими повседневными делами. При этом Н. В. Гоголь прямо не указывает, в каком именно городе происходит действие поэмы. Более того, он

отмечает, что город NN является типичным для России того времени: *«Павел Иванович Чичиков отправился посмотреть город, которым был, как казалось, удовлетворен, ибо нашел, что город никак не уступал другим губернским городам: сильно была в глаза желтая краска на каменных домах и скромно темнела серая на деревянных. Дома были в один, два и полтора этажа, с вечным мезонином, очень красивым, по мнению губернских архитекторов. Местами эти дома казались затерянными среди широкой, как поле, улицы и нескончаемых деревянных заборов; местами сбивались в кучу, и здесь было заметно более движения народа и живости»* или *«С громом выехала бричка из-под ворот гостиницы на улицу. Проходивший поп снял шляпу, несколько мальчишек в замаранных рубашках протянули руки, приговаривая: «Барин, подай сиротинке!» Кучер, заметивши, что один из них был большой охотник становиться на запятки, хлыснул его кнутом, и бричка пошла прыгать по камням. Не без радости был вдали узрет полосатый шлагбаум, дававший знать, что мостовой, как и всякой другой муке, будет скоро конец; и еще несколько раз ударившись довольно крепко головою в кузов, Чичиков понесся наконец по мягкой земле».*

Далее Чичиков-путешественник проезжает через деревни и наблюдает унылый сельский пейзаж: *«Едва только ушел назад город, как уже пошли писать, по нашему обычаю, чушь и дичь по обеим сторонам дороги: кочки, ельник, низенькие жидкие кусты молодых сосен, обгорелые стволы старых, дикий вереск и тому подобный вздор. Попадались вытянутые по снурку деревни, постройкою похожие на старые складенные дрова, покрытые серыми крышами с резными деревянными под ними украшениями в виде висячих шитых узорами утиральников».* Акцент внимания читателя на *«вытянутые по снурку деревни»* еще раз подчеркивают типичность сложившегося сельского уклада жизни российских крестьян в начале XIX века, где преобладают бесформенные избы крестьян, больше похожие на сараи для домашних животных, которые тоже живут вместе с людьми: *«Бабы с толстыми лицами и перевязанными грудями смотрели из верхних окон; из нижних глядел теленок или высовывала слепую морду свою свинья. Словом, виды известные».* И эти *«виды известные»* характерны для всей России, о чем автор говорит следующее: *«Прежде, давно, в лета моей юности, в лета невозвратно мелькнувшего моего детства, мне было весело подвезжать в первый раз к незнакомому месту: все равно, была ли то деревушка, бедный уездный городишка, село ли, слободка, — любопытного много открывал в нем детский любопытный взгляд. Всякое строение, все, что носило только на себе напечатленье какой-нибудь заметной особенности, — все останавливало меня и поражало. Каменный ли казенный дом, известной архитектуры с половиною фальшивых окон, один-одинешенек торчавший среди бревенчатой тесаной кучи одноэтажных мещанских обывательских домиков, круглый ли правильный купол, весь обитый листовым белым железом, вознесенный над выбеленною, как снег, новою церковью, рынок ли, фронт ли*

уездный, попавшийся среди города, – ничто не ускользало от свежего тонкого вниманья».

Однако существует и некоторое различие между деревнями, что связано, прежде всего, с характером помещика, который ею владеет. Например, деревня помещика Собакевича отличается тем, что *«Деревенские избы мужиков тож срублены были на диво: не было кирпичных стен, резных узоров и прочих затей, но все было пригнано плотно и как следует. Даже колодец был обделан в такой крепкий дуб, какой идет только на мельницы да на корабли. Словом, все, на что ни глядел он, было упористо, без пошатки, в каком-то крепком и неуклюжем порядке»*, а у Плюшкина, наоборот, все деревянные строения отличаются «особенной ветхостью»: *«бревно на избах было темно и старо», «многие крыши сквозили, как решето», «окна в избенках были без стекол», все строения «покосились и почернели даже не живописно».* При этом деревни помещиков объединяет беспорядочность расположения домов (владения Манилова, Коробочки, Собакевича и Плюшкина). Про расположение изб в деревне Коробочки Гоголь написал, что они были «выстроены врассыпную и не заключены в правильные улицы». Необходимо отметить, что вышеперечисленным пейзажам города и деревни под стать и природные пейзажи: *«Поодаль в стороне темнел каким-то скучно-синеватым цветом сосновый лес. Даже самая погода весьма кстати прислужилась: день был не то ясный, не то мрачный, а какого-то светло-серого цвета, какой бывает только на старых мундирах гарнизонных солдат, этого, впрочем, мирного войска, но отчасти нетрезвого по воскресным дням».*

Н. В. Гоголь не оставляет без внимания дорожный трактир, который также является типичным для того времени: *«Деревянный потемневший трактир принял Чичикова под свой узенький гостеприимный навес на деревянных выточенных столбиках, похожих на старинные церковные подсвечники. Трактир был что-то вроде русской избы, несколько в большем размере. Резные узорочные карнизы из свежего дерева вокруг окон и под крышей резко и живо пестрили темные его стены; на ставнях были нарисованы кувшины с цветами. Взобравшись узенькою деревянною лестницею наверх, в широкие сени, он встретил отворяющуюся со скрипом дверь и толстую старуху в пестрых ситцах, проговаривающую: «Сюда пожалуйте!» В комнате попались всё старые приятели, попадающиеся всякому в небольших деревянных трактирах, каких немало выстроено по дорогам, а именно: заиндевелый самовар, выскобленные гладко сосновые стены, трехугольный шкаф с чайниками и чашками в углу, фарфоровые вызолоченные ящики пред образами, висевшие на голубых и красных ленточках, окотившаяся недавно кошка, зеркало, показывавшее вместо двух четыре глаза, а вместо лица какую-то лепешку; наконец натыканные пучками душистые травы и гвоздики у образов, высохшие до такой степени, что желавший понюхать их только чихал и больше ничего».* Приведенный пример еще раз

подчеркивает, можно сказать, сложившийся дорожный быт, где все одно-типно, блекло и старо.

Особое внимание Н. В. Гоголь уделяет атрибутам путешественников, таким как чемодан и дорожная снедь: *«Пока приезжий господин осматривал свою комнату, внесены были его пожитки: прежде всего чемодан из белой кожи, несколько поистасканный, показывавший, что был не в первый раз в дороге. Чемодан внесли кучер Селифан, низенький человек в тулупчике, и лакей Петрушка, малый лет тридцати, в просторном подержанном стюртуке, как видно с барского плеча, малый немного суровый на взгляд, с очень крупными губами и носом. Вслед за чемоданом внесен был небольшой ларчик красного дерева с штучными выкладками из карельской березы, сапожные колодки и завернутая в синюю бумагу жареная курица»*. Автор не упускает из виду и некоторые позволяющие путнику рассматривать окрестности устройства брички, такие как специальные кожаные занавески: *«Это заставило его задержаться кожаными занавесками с двумя круглыми окошечками, предназначенными для рассматривания дорожных видов»*.

Таким образом, литературный травелог на примере поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души» – это один из способов познания жизни в царской России начала XIX века, где крепостное право является основополагающим общественным институтом того времени. С помощью путевых зарисовок читатель намного объемнее, красочнее и глубже воспринимает обстановку на данном этапе истории. Именно такой подход позволяет писателю охватить всё то, что требует осмысления и позволяет «описать всю Русь». Благодаря литературному травелогу мы становимся незримыми участниками чичиковской поездки-путешествия и погружаемся в сложный и трагичный мир времени, где преобладает деградация населения, омертвление душ в прямом и переносном смысле, а также алчность, эгоизм и многие другие пороки общества. При этом следует отметить, что для путешествий даже на ранних этапах создания транспортных средств предусматривалась возможность лицезреть окрестности, пейзажи и ландшафты, а также сформировались первые попытки по созданию комфортных условий поездки (*«довольно красивая рессорная небольшая бричка»*). При организации путешествий важное место занимают дорожные атрибуты поездки, включая дорожный сервис с соответствующим набором гастрономических изысков.

Путешествие по николаевской России первой половины XIX века – это своеобразная доминанта поэмы «Мертвые души», которая органично объединяет наблюдения о жизни людей, их быте, истории и окружающей природе, что стало возможно благодаря литературному травелогу, сформировавшему метонимическую связь транспортного средства с отечественной историей. Гоголь, устанавливая связь разных эпох в отечественной истории, заключает: *«Разве мало мест и попрщ в России? Оглянитесь и осмотритесь хорошенько, и вы его отыщете. Вам нужно проездиться по России»* [3, с. 303; 4, с. 164–174].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Гоголь, Н. В. Мертвые души / Н. В. Гоголь. – СПб. : Азбука, 2017. – 352 с.
- 2 Гоголь, Н. В. Полн. собр. соч. : в 14 т. – М. : Изд-во Ан СССР, 1952. – Т. VII. – С. 115–132.
- 3 Анненкова, Е. И. Мотив «...проездиться по России» в «выбранных местах из переписки с друзьями» Н. В. Гоголя и путевых записках 1840-х гг. Травелог в школьном и вузовском обучении / Е. И. Анненкова, Д. Р. Гоперхоева // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. – 2020. – № 195. – С. 164–174.

УДК 629.4:82.091

Е. Э. ГАЛАЙ

Белорусский государственный университет транспорта, г. Гомель

ПЕРСониФИКАЦИЯ ЖИЗНИ В ОБРАЗЕ ПОЕЗДА (ОТ «ГОЛУБОГО ВАГОНА» К «ЖЕЛТОЙ СТРЕЛЕ»)

Мы каждый момент своей жизни движемся в пространстве и во времени. Самый простой путь – пешком. Только от нас зависит направление, повороты, скорость движения и место остановки. Самый быстрый – полет. Человек придумал парашюты, самолеты и ракеты. Самый фантастический – полет мысли, когда можно мгновенно представить себя в любом месте и даже времени.

И, конечно, привычный для нас поезд. Мы выбираем станции отправления и прибытия, время поездки и тип вагона. Но поезд – это только *иллюзия* выбора. Поездка на поезде предполагает подготовленное и уже испытанное пространство. «Поезд проедет лишь там, где проложен путь...». Преодоление человеком трудностей дороги сводится к минимуму. Поездка в поезде предполагает *защищенность* от внешнего мира.

Почему именно поезд часто выступает в литературе прообразом жизни?

Самая популярная детская песня на слова Э. Успенского о голубом вагоне. «*Голубой вагон бежит, качается, скорый поезд набирает ход...*». Ведь в детстве «...каждому в лучшее верится. Катится, катится голубой вагон». Мы взрослеем, и серьезнее становятся наши песни. И уже спорят попутчики в «Машине времени»:

Один говорил: «Наша жизнь – это поезд».

Другой говорил: «Перрон» [1].

Статичный перрон может показаться надежнее поезда, но он может прогибаться, качаться, быть скользким или грязным [2]. А поезд – образ перемен, бега времени и неповторимости каждого момента.

С путешествием в поезде сравнил жизнь человека Виктор Пелевин в повести «Желтая стрела».

Вагоны разного типа словно разделяют общество на уровни и статусы. Символика образов предельно ясна. В плацкартных вагонах едет народ по-